

3. *Белый А.* Начало века. М., 1990.
4. *Гандлевский С.* Опыты в стихах [Электрон. ресурс]. URL: <http://gandlevskiy.poet-premium.ru/poetry/1973-1994.html#21> (дата обращения: 15.11.2011).
5. *Гриценко В. П.* Социосемиотика. Екатеринбург, 2006.
6. *Есенин С.* Собр. соч. : в 2 т. Т. 2 : Стихотворения, проза, статьи, письма. М., 1990.
7. *Жолковский А. К.* Место окна в поэтическом мире Пастернака // Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности. М., 1996. С. 209–239.
8. *Казарин Ю. В.* Поэт Борис Рыжий : моногр. Екатеринбург, 2009.
9. *Кушнер А.* Стихи, переписка, разговоры с Борисом Рыжим // Russian Literature. 2010. Vol. 67, Issue 1, 1 Jan. P. 85–96.
10. *Решетов А.* Избранное : стихотворения, поэмы. СПб., 2009.
11. *Рыжий Б. Б.* Оправдание жизни. Екатеринбург, 2004.

И. А. Бужан

г. Тюмень

Восприятие творчества ненецкого писателя Леонида Лапцуя в критике Тюменского региона

Леонид Васильевич Лапцуй (1932–1982) начал писать в 1950-е гг. Его первые стихи в переводах тюменских поэтов Ивана Лысцова, Анатолия Кукарского, М. Лецкина публиковались в журналах «Сибирские просторы» (Новосибирск), «Урал» (Свердловск), в коллективном сборнике стихов тюменских поэтов «Земляки» (Тюмень, 1957). В 1960-е гг. имя Л. В. Лапцуя становится известным широкому читателю. Его стихи публикуют центральные периодические издания «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Огонек». К переводам поэзии Л. Лапцуя на русский язык присоединяются литераторы центра — Н. Грудинина, Т. Миницкая, Л. Шкавро и др. В этот же период в Тюменском книжном издательстве выходят первые книги поэта: сборник стихов «Цветы мой Ямал» (1960) и сборник прозы «Рассказы о Ямале» (1962) — на ненецком языке. В Тюмени издается и первая книга автора на русском языке — рассказы «Камень с надписью» (1963) в переводе Т. Миницкой и Х. Васильевой.

В 1964 г. Л. Лапцуй становится членом Тюменского отделения Союза писателей.

На тюменской земле не только выходят первые книги ненецкого писателя, но и его творчество получает первые критические оценки. В очерке истории ненецкой литературы тюменский филолог Лазарь Вульфович Полонский отметил «несомненную поэтическую одаренность» Л. Лапцуя, называя при этом его сборник стихов «Цвети мой Ямал». Он обратил внимание на успех поэта в жанре интимной лирики. «Сердечность» стихов о любви достигается тем, что их автор «...находит свежие, свои, от души идущие слова, передающие и горечь разлуки и веру в прочность любви». Л. Полонский подчеркивал сочетание патриотического пафоса (гордость за свой народ) с пафосом приобщения к новой жизни в стихах, отражающих становление социалистической действительности на северной земле. Критик писал: «Поэту-ненцу радостно сознавать, что его родной народ, в прошлом обездоленный и бесправный, — ныне участник великих дел, хозяин своей Родины, равный в великой семье народов нашей страны» [15, с. 22–23]. «Самобытность таланта» Л. Лапцуя отметил литературный наставник многих ненецких писателей Иван Григорьевич Истомин: рассказы Л. Лапцуя «...очень лиричны, богаты образами и глубоки по содержанию. Они... убедительно повествуют о возрождении Ямала, о его людях...» [7, с. 5].

Однако в центральной критике утверждали, что тема «отрицания старого» в прозе начинающих писателей Севера изжила себя и в новых социальных условиях «ведет к искажению жизненной картины». Это замечание коснулось и прозы Л. Лапцуя. Был отмечен схематизм в изображении героя в рассказе «Человек родился», когда отношение к народным предрассудкам стало «основным критерием оценки» персонажа. «Путь к современному герою», «новые конфликты» должны «отыскиваться в... процессах становления социалистической морали». Новаторским в этом отношении была признана поэзия Л. Лапцуя, воспевающая «радостный труд ненцев». «Новое слово» писателей-сибиряков связывалось с их обращением к теме природы как к теме «нравственного и эстетического воспитания» человека [3, с. 35–36].

Одобрительный отзыв в центральной печати получила книга «Метели ложатся у ног» (М., 1968), объединившая прозу В. Ледкова и Л. Лапцуя. О рассказах Л. Лапцуя писали, что они «создают... своеобразную летопись жизни ненцев», в них «речь идет о всем новом в жизни и быте ненцев, в их сознании, нравах и обычаях». Подчеркивалось иное художественное преломление темы «отрицания старого» в рассказе «Надпись на камне»,

где «прошлое служит автору для оценки сегодняшнего» [20, с. 17]. Критики центра уловили тяготение писателя «к напряженному, динамичному сюжету», к «остроте проблем и конфликтов». И все же проза Л. Лапцужа характеризовалась как «очень неровная по своим художественным достоинствам». Автора упрекали в «стремлении во что бы то ни стало прийти к счастливому концу, не всегда оправданному ходом событий и логикой фактов» [6, с. 277].

Наблюдения критиков центра были во многом созвучны оценкам тюменских критиков. В. Клепиков обратил внимание на «добротный, живой язык», «точные приметы быта», «своеобычный юмор» прозы Л. Лапцужа. Выделялись наиболее удачные рассказы (в книге их 11) — «Сэвтя» и «Шепот снегов», которые по жанру приравнивались к «маленькой повести». В них автор «не торопится к благополучному концу», избрана интересная тема — «жизнь подростка в интернете». «Отличной новеллой» был назван рассказ «За чертой горизонта», повествующий «о трудном размежевании старого и нового». «Надпись на камне» и «Песня Сэротетто» характеризовались критиком как «песни в прозе». «Энергичным» воспринимался стиль прозы Л. Лапцужа: «короче фраза, обильней употребление глаголов» [8, с. 153–154].

Значимым и в какой-то мере доминирующим критерием оценки литературного произведения национального автора являлось его актуальное, идеологическое звучание в эпоху социалистического строительства. Рецензируя книгу «Метели ложатся у ног», В. Клепиков довольно категорично заключил: «Рассказы Л. Лапцужа (как и повесть В. Ледкова) — не о сегодняшнем дне тундры. Все-таки, к сожалению, о вчерашнем — о годах 30-х и 40-х. <...> Борьба с суровой природой и старыми предрассудками — тема... основательно разработанная, знакомая». Рассказ «Палочки с зарубкой» «...сегодня не просто неинтересен, но и агитационного значения уже не имеет». Писателей призывали к отражению новых тем, проблем и характеров [8, с. 153–154]. Подобные недостатки отмечались и в поэзии Л. Лапцужа: «К сожалению, дня сегодняшнего — конца 60-х — начала 70-х годов — ненецкий поэт Л. Лапцужа касается лишь вскользь, редкими упоминаниями (“бородатый геолог”, “нефтяной фонтан”). Взгляд поэта часто устремлен в минувшее, чтобы сопоставлять прошлое и настоящее» [9, с. 176].

Критика как бы подтягивала творчество писателя-северянина под планку соответствия интернациональной тематике. Обращаясь к сборнику стихов «Голубые снега» (1970), В. Клепиков подчеркивал, что в поэзии Лапцужа «...тема родного Ямала органично сливается с темой старой

и новой жизни ненцев...» [9, с. 171]. Как «социалистическая по содержанию и национальной по форме» оценивалась Е. Матвеевым книга стихов Л. Лапцуй «Мальчик из стойбища» (1972), в которой «весь образный строй — от ненецкого фольклора», а пафос — в «братской благодарности русскому народу» [11, с. 161].

К началу 1970-х гг. Л. Лапцуй признается сложившимся, узнаваемым поэтом. В газете «Красный Север» (Салехард) писали, что поэт «вступил сейчас в полосу большой и серьезной поэтической зрелости». По-прежнему интересными, «особенно для русского читателя», представлялись стихи, в которых изображены «картины повседневной жизни, труда и быта ненецкого народа». Отмечали обращение поэта к исторической теме в стихотворении «Мыс Вавле», отсылавшем ко времени восстания ненцев в 1825–1841 гг. под предводительством Ваули Пиеттомина [19, с. 4].

В 1973 г. в издательстве «Детская литература» отдельной книгой тиражом в сто тысяч (!) экземпляров вышла поэма Л. Лапцуй «Едэйко». Ее адресат — читатели младшего школьного возраста. Произведение получило высокую оценку в центральной печати. С рецензией на поэму выступил известный детский писатель С. Баруздин, что само по себе говорило о признании таланта Л. Лапцуй в этом направлении творчества [1, с. 276].

1970-е гг. — расцвет творчества Леонида Лапцуй. В этот период почти ежегодно выходят поэтические книги ненецкого писателя в переводах В. Афанасьева, Л. Шкавро, В. Фалея, Н. Грудиной, М. Яснова и других литераторов. В регионе с гордостью подчеркивали, что стихи Л. Лапцуй «читают не только в различных городах Союза, но и в Венгрии, Англии, Франции...» [12, с. 275]. Почти каждый выход книги поэта сопровождался критическим откликом тюменского журналиста и писателя Анатолия Омельчука в центральной печати и в прессе других регионов. В рецензии на книги Лапцуй «На струне времени» (М., 1975) и «Победившие смерть» (Свердловск, 1976) он писал о необходимости оценки произведений писателей, представляющих малые народы России, с учетом современного развития их литератур — без скидки «на молодость», на «первый шаг». Возможно, не случайно эта мысль прозвучала на страницах московского журнала «Дружба народов» как своеобразный призыв к взыскательному и правдивому анализу их творчества со стороны критиков центра, оценки которых порой носили комплементарный характер. Первое, с чего начал А. Омельчук свою рецензию на книги стихов Л. Лапцуй 1975 и 1976 гг. — с признания того, что «устное

народное творчество оказало несомненное влияние на его поэзию». Эта мысль — отправная точка для дальнейших рассуждений критика. Во-первых, подчеркивалась народность и национальная самобытность поэзии Л. Лапцуня. «В неторопливом эпическом звучании его стихов слышатся мотивы и ритмы старинных песен и преданий», — писал Омельчук, цитируя «одно из лучших» стихотворений «Язык ненцев». Отмечалось, что «в немногих строках» поэту удастся «запечатлеть черты жизни своего небольшого народа» [12, с. 276]. Следует заметить, что еще в 1966 г. Р. Бикмухаметов отметил «лаконизм» художественного письма северных авторов, определив его как стилистический принцип «большое в малом». В пример приводилось стихотворение Л. Лапцуня «Состязание» [2, с. 9].

Истоки «своеобычности» поэзии Лапцуня А. Омельчук связывал с особенностями мировосприятия «аборигенов севера». Он не спешил упрекать поэта «в некоторой описательности, в том, что многие его стихи рождены не чувством, а глазом». «Эта превосходная зрительность» создает у читателя впечатление, «как будто сам северный народ словами поэта рассказывает о приметах своей жизни, быта и среды». Подчеркивая «традиционность тем и сюжетов» стихов поэта, А. Омельчук особо выделил в них тему поколений, любовь к родной земле, «современное преображение тундры». Поэмы автора «Олени бегут на восход», «На струне времени», «Под звездами Ямала», «Победившие смерть», по мысли критика, «точнее было бы назвать балладами», так как «в их основе всегда реальные события и люди»; «их главное достоинство — живая современность». Однако реалистичность поэзии Лапцуня порой не находила должного художественного выражения. Это проявлялось в том, что поэт «иногда слишком торопится поспеть за бегущим днем, и тогда подлинная эпичность, в целом присущая поэту, ускользает, уступая место публицистической скороговорке». Возможной причиной этого недостатка А. Омельчук считал незрелость «художественной мысли, способной внутренне организовать эти масштабные поэтические структуры». И все же признавалось, что «от книги к книге растет мастерство поэта...» [12, с. 276].

Присущую северным поэтам «красочную яркость», «экспрессивность» стиха тюменский филолог и культуролог В. А. Рогачев объяснял их «мудрой дружбой с фольклорной поэтикой». В критическом обзоре тюменской поэзии «Чем крепче ветер...» он выделил стихи Л. Лапцуня, в частности «Пришел геолог русский на Ямал» с его самобытными сравнениями: «...сердце, как рыба резвится», «хочется сердцу парусом виться, чайкой нырнуть в воздушные струи...». В стихах Л. Лапцуня

и ханты Р. Ругина (поэма «Огнедышащий край») им отмечалось «естественное и интересное» звучание интернациональной тематики за счет привлечения поэтики национального фольклора [18, с. 168].

В сборнике стихов и поэм Л. Лапцуя «Радуга жизни» (1978) А. Омелчук ощутил «современную напряженность» традиционных метафор, органичное включение в ткань произведений «примет новой жизни». В поэме «Приехал Ленин», сюжет для которой был взят из ненецкой легенды о приезде Ленина на Ямал, «...сказовая основа не нарушает реалистической ткани, ибо читатель подведен к поэме всем строем предыдущих стихов». Оригинальное образное воплощение ленинской темы критик уловил в стихотворении «Ленинский меридиан», лирический герой которого рад ощущению своего «равенства в человеческом строю». Таким образом, даже ленинская тема оказалась способной высветить «народность поэзии Лапцуя» [13, с. 113].

Сборник стихов Л. Лапцуя «Радуга жизни» — «семнадцатый на счету поэта», как отмечал А. Омелчук. Он писал, что для этого сборника, как и «для всего писательского пути Лапцуя», характерно «движение от сугубо повествовательных интонаций к глубоким раздумьям о нашем бытии», читатель не может не заметить, как «расширяется кругозор поэта, географические границы родины-тундры...». В поэме «Победившие смерть», посвященной ямальским геологам, автор «...не увлекся показом производственных достижений своих товарищей-геологов». В основе произведения — «подлинный случай»: «драматическая история о трех поисковиках месторождений». Несмотря на отмечаемые в книге «Радуга жизни» «длинноты и бескрылую описательность» некоторых стихов, в целом она оценивалась как «свидетельство растущей зрелости поэта» [Там же, с. 114].

На страницах центральной печати тюменский писатель К. Я. Лагунов с восхищением отзывался о поэме Л. Лапцуя «Едэйко»: «...мудрая, яркая поэма, увлекательно рассказывающая о жизни сегодняшнего Ямала, о великой братской дружбе народов нашей Родины, о счастливой судьбе ненецкой детворы...» [10, с. 21].

В 1982 г. жизненный путь поэта Леонида Лапцуя обрывается. Это событие побудило региональных критиков Л. Полонского, А. Омелчука к написанию критико-биографических очерков о жизни и поэзии ненецкого писателя. Надо заметить, что очерки были опубликованы в периодических изданиях других регионов: в журналах «Полярная звезда» (Якутия), «Сибирские огни» (Новосибирск). В этом можно увидеть попытку подчеркнуть значимость личности поэта в общесоюзном масштабе.

А. Омельчук утверждал: «феномен Леонида Лапцужа» помогает «увидеть причины столь бурного подъема и развития всех северных литератур». В очерках подводился своеобразный итог творческой и общественной жизни Л. Лапцужа, в них содержались новые наблюдения над художественными особенностями его произведений. А. Омельчук выделил «постоянный мотив» творчества поэта — «борьба человека за жизнь», «тема борьбы со смертью», во многом обусловленный национальной природной средой: «человек на Севере напрямую противопоставлен природе...». В последние годы «герой поэм ненецкого поэта... — русский педагог, русский геолог, буровик, газовик...». В этом признание поэтом «неизбежности и неизбежности взаимной помощи» русского и ненецкого народов [14, с. 100]. Такие произведения Лапцужа, как «поэма-сказание» «Возрождение Ямала», историческая поэма «Тер» (М., 1983), отразили, по мнению критика, «одну из тенденций современного литературного процесса», в том числе и русской литературы 1970–1980-х гг., — «обращение к национальным истокам». Поэту удалось не только творчески осмыслить, но и переосмыслить «эпос родного народа» и тем самым «углубить духовные ценности народа» в «совершенно новой сфере — в письменной литературе...» [14, с. 99].

«Широким, многообразным и красочным» назвал Л. Полонский «художественный мир поэта» Л. Лапцужа, обращаясь в своем очерке к трем новым книгам, вышедшим в 1982 г. вскоре после кончины их автора, — «Еще звезды не гаснут», «В краю оленьих троп», «На оленьих тропах». Прежде всего критик отметил, что автору удалось живописно представить словом родную тундру, которая «постороннему взору» часто кажется «унылым и бесцветным краем». В своих стихах поэт «рисует пейзажи Ямала». Художественная манера Лапцужа характеризовалась «скульптурностью, осязаемой пластичностью изображения, четкой лепкой деталей» [16, с. 167].

Читая стихи Л. Лапцужа, нельзя не заметить их насыщенность природными образами. Поэт воспекает озера, реки, деревья, животный мир тундры. Как заметил Л. Полонский, эти образы являются не только элементом художественного тропа (к примеру, «кусты темнеют мехом рысьим»), но и становятся темой стиха: «о гордых лебедях», «о верной лайке», «о спасенном олененке». Критик подчеркивал «гуманистический пафос» поэзии Л. Лапцужа, ее пронизанность «любовью ко всему живому... радостным ощущением своей слитности с прекрасной родимой землей...». Отмечался широкий размах поэзии Л. Лапцужа, ее обращенность «к седой старине родной земли, и к трепетной ее современности,

и к будущему...». Причем писатель оказался художественно силен в отображении всех временных пластов. И успех поэта не только в опоре на устное народное творчество, но и «на богатые традиции русской классической литературы». По признанию Л. Полонского, «ни у кого из поэтов индустриальная новь Тюменского Севера не нашла такого яркого воплощения, как у Лапцук». Произведения «Дыхание земли», «Уренгой», «Первая буровая», «Геологи» и другие «представляют собой поэтическую летопись освоения Тюменского Севера» [16, с. 168–169].

Критики центра (И. Смольников, Л. Шкавро, Т. Комиссарова, Н. Грудинина) в эти годы больше обращались к устно-поэтической стороне творчества ненецкого поэта. Переводчица поэзии Л. Лапцук Н. Грудинина писала: «Традиции сказителей помогли поэту не только осмыслить историю тундры разумом современного человека, но и создать типические характеры тундровиков, подчеркнуть в образах положительных героев благородные черты, сохраняемые в самые разные времена истории» [5, с. 6].

В 1990-е гг. фольклорное начало в творчестве Л. Лапцук получает активное осмысление в региональной критике, особенно в работах супруги поэта, ненецкого ученого и педагога Елены Григорьевны Сусой. Ее «Страницы жизни и творчества Леонида Лапцук» регулярно печатались в газете «Красный Север» под рубрикой «Ежегодные Лапцукевские чтения» [21].

В региональной критике более основательно были рассмотрены вопросы перевода произведений Л. Лапцук на русский язык. Данный аспект в немалой степени влиял на оценку критиками художественного мастерства поэта. В 1971 г. к этой проблеме с пристрастием обратился В. Клепиков. В переводах Вл. Гордиенко стихов сборника «Тундра» (1970) он отмечал «несвойственные» Л. Лапцук «...ритмы, чуждую для него лексику... натянутые (“модные”) метафоры». Адекватному выражению стиля Л. Лапцук препятствовали присутствовавшие в переводах его стихов поэтические штампы, языковые небрежности. При оценке стилистической адекватности перевода оригиналу значимым оказывалось сохранение единства стиля произведений переводимого автора у разных переводчиков. Стихи сборника «Тундра» в переводах Н. Грудининой, В. Афанасьева, А. Кухарского были признаны лучшими, так как при чтении их создается «впечатление одного стиля, одного словаря... они чувствуют и умеют передать... манеру Л. Лапцук» [9, с. 175].

А. Омельчук в рецензии на сборники стихов Л. Лапцук «На струне времени» (1975) и «Победившие смерть» (1976) писал: «...своеобычность

поэзии Лапцун прорывается через разные поэтические индивидуальности переводчиков, ни по стилистическому рисунку, ни по темпераменту не похожих на него». Причины этого в том, что «русский поэт не может не воспринять насыщенную метафоричность лапцунского стиха...». Образная система стихов Л. Лапцун, «воспринятая от эпоса родного народа... настолько явственна и сильна, что в любом переводе (а Лапцун переводят поэты весьма разнохарактерные и непохожие) она проявляет себя, пересиливает манеру поэта-переводчика, точнее заставляет его настроиться на волну первоисточника. У разных переводчиков Лапцун звучит сильно и своеобразно — так, что его не спутаешь ни с кем» [14, с. 99].

Критики региона учитывали сложный путь переводчиков в поисках «ключа» к стилистическим закономерностям поэзии северян. Непременным условием настоящего межнационального литературного взаимообогащения они считали «встречу» национальных языковых сознаний автора и переводчика. Н. Грудинина признавалась: ей потребовалось более десяти лет, чтобы понять законы художественного мышления Л. Лапцун. В предисловии к поэме «Гер» она, как переводчик произведения, писала: «У меня... подчас возникало желание допускать вольности, “обогащать” узор стиха современными поэтическими красками. Но автор меня вовремя останавливал. Произведение, созданное на старинной сказительской основе, не должно искусственно расцветиваться “химией” стихосложения двадцатого века» [5, с. 6]. В. А. Рогачев признавал большую роль Н. Грудининой в творческой судьбе Л. Лапцун. Ленинградская поэтесса «...нашла практически адекватный метаязык перевода стихов Лапцун, назвав его переложением по ритмическому корню. При этом допускаются повторы, перебивы ритма, свойственные северному народно-поэтическому строю. Сохранялся и полный состав метафорической звукописи Л. Лапцун, полная образная палитра выразительных качеств стиха» [17, с. 9].

Высокую значимость творческого наследия поэта в истории культуры Тюменского региона подчеркивал В. А. Рогачев. «История творчества Л. Лапцун — лиро-эпический песенный дневник дорогих ему людей», — обобщал он, выделяя при этом поэму «Победившие смерть» (1973). По мысли критика, художественное мастерство Л. Лапцун неотделимо от этапов творческого освоения поэтом устно-поэтического наследия своего народа. Последний период творчества ненецкого писателя (1975–1982) завершился «поэтическим и философско-символическим созданием нового метаязыка», когда «народная ямальская поэзия

возрождается в авторском переложении». «Л. Лапцуй — сам теперь ска- зитель и одновременно поэт цивилизации XX века» [17, с. 10–11].

В. Рогачев со всей уверенностью утверждал, что «нет в север- ной литературе равных Л. Лапцую как детскому писателю». В поэме «Едэйко» (1973) «оригинальна и неповторима... художественная энци- клопедия ямальского бытия, которую осваивает» ее герой. В поэме «Ири- Дед» (1970) автор поднял тему, которая «почти не имеет аналогов даже во всемирной литературе» — «драматическая судьба подростка-инва- лида». Поэма была названа «северной героической сагой» (Там же, с. 15). Однако в региональной критике было немного откликов о поэме «Ири», она лишь упоминалась на страницах рецензий. Е. Г. Сусой более кон- кретно написала о поэме, о том, что она отражает «жизнь и творчество... писателя Ивана Григорьевича Истомина» и пронизана глубокой человече- ностью [22, с. 14].

Творчество Леонида Лапцуя продолжает изучаться в образователь- ных учреждениях области. На страницах газеты «Красный Север» публи- куют свои критические отклики давние и новые поклонники таланта ненецкого писателя [4, с. 17].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что критики Тюменской области активно способствовали становлению писательской индивиду- альности Л. Лапцуя, отмечая слабые и сильные стороны его произведений, написанных в разные годы. По глубине литературного анализа критиче- ские статьи региональных авторов (писателей, журналистов, культуроло- гов, филологов) не уступали работам авторов из центра. В 1960–1970-е гг. при оценке произведений писателя критики исходили из соответствия их интернациональному содержанию и принципам реалистического письма. Роль критики на данном этапе — популяризаторская. В 1980-е гг. можно наблюдать некоторую разновекторность восприятия творчества Л. Лап- цуя. Региональная критика тяготеет к оценке творчества Л. Лапцуя, как поэта-соотечественника, с позиции отражения национальной истории, культуры, истории Тюменского края. В поэтическом тексте ей важно уви- деть жизненный опыт автора, воплощающий опыт своего народа. Цен- тральную критику привлекает отражение особенностей национального самосознания автора через выявление соотношения литературного слова и фольклорного источника. Общей тенденцией последних лет можно считать появление критических работ обобщающего характера, в кото- рых выделяются этапы творческого пути писателя, стилевые особенно- сти поэзии в сопоставлении с произведениями русской литературы.

Уникальность национальной поэзии Леонида Лапцуня в ее интернациональности. В ней сблизились и взаимопроникли ненецкий и русский миры. Поэтому с одинаковой силой она волнует и регионального и центрального критика, укрепляя диалог двух культур.

-
1. Баруздин С. Закономерность // Дружба народов. 1974. № 2. С. 276–277.
  2. Бикмухаметов Р. Второе рождение // Лит. Россия. 1966. 14 янв.
  3. Бикмухаметов Р. Юная Сибирь // Вопр. лит. 1962. № 10. С. 25–42.
  4. Буревестник З. В стихах Лапцуня правда жизни: Отзыв на книгу «Слово заветное заповедное» // Красный Север. 2006. 4 марта.
  5. Грудина Н. От переводчика // Лапцун Л. Тер : поэма-сказка. М., 1984. С. 3–6.
  6. Данченко И. Текст // Новый мир. 1969. № 11.
  7. Истомин И. Л. Лапцун // Лапцун Л. Камень с надписью : рассказы / пер. с ненец. Тюмень, 1963. С. 5–6.
  8. Клепиков В. Двое под одним небом // Урал. 1969. № 2. С. 151–154.
  9. Клепиков В. Тундра просит песен // Сиб. огни. 1971. № 4. С. 174–176.
  10. Лагунов К. На Ямале // Лит. Россия. 1981. 3 июля.
  11. Матвеев В. На едином меридиане // Урал. 1972. № 12. С. 161–163.
  12. Омельчук А. «О, как тундра прекрасна» // Дружба народов. 1977. № 10. С. 275–276.
  13. Омельчук А. Вехи времени // Полярная звезда (Якутия). 1980. № 2. С. 112–114.
  14. Омельчук А. Тугого времени струна // Там же. 1983. № 3. С. 96–102.
  15. Полонский Л. Из истории ненецкой литературы. Тюмень, 1961.
  16. Полонский Л. «...Сердца людей согреть певучим словом»: Последние книги Л. Лапцуня // Сиб. огни. 1984. № 8. С. 167–169.
  17. Рогачев В. Спасенный оленем // Лапцун Л. В. Песнь моя — моей земле : избранное. Тюмень, 2000. С. 3–16.
  18. Рогачев В. Чем крепче ветер... // Урал. 1977. № 5. С. 165–168.
  19. Сергиевский А. «Тундра, я к тебе любви не спрячу...» // Красный Север. 1972. 13 дек.
  20. Смирнов Д. Под одной крышей // Лит. Россия. 1968. 13 дек.
  21. Сусой Е. Страницы жизни и творчества Леонида Лапцуня // Под сенью Нохар-Юха : альм. салехард. литераторов. Тюмень, 1995.
  22. Сусой Е. Искусство как универсальный язык общения // Словцовские чтения. Тюмень, 2002. С. 212–213.